

ГЕННАДИЙ КАНЕВСКИЙ
**ВСЕМ
БОРТАМ**

Tango Whiskyman
Москва 2019

УДК 82-1
ББК 84 (2)
К 19

Дизайн обложки и вёрстка: Галина Черникова

Куратор проекта: Денис Крюков

В оформлении обложки использован рисунок Алексея Клепикова

К 19 **Каневский Геннадий**

Всем бортам. – М.: «Белый Ветер», 2019. – 64 с. (Tango Whiskyman).

ISBN 978-5-907155-67-1

Об авторе.

Геннадий Каневский – московский поэт и эссеист. Родился в 1965 г. Автор шести поэтических книг и сборника избранных стихов «Сеанс» (2016). Участник поэтических фестивалей в России и Украине, поэтической программы арт-биеннале в Салониках (Греция). Публиковался в журналах «Ното Legens», «Воздух», «Волга», «Знамя», «Новый берег», «Новый мир», «Октябрь», «Урал». Стихи переводились на английский, итальянский, венгерский, украинский и удмуртский языки. Победитель Московского поэтического слэма (2007, в паре с Анной Русс). Лауреат премии «Московский наблюдатель» за заметки о литературной жизни (2013), независимой премии «П» журнального портала «Мегалит» (2013), премии журнала «Октябрь» (2015), специальной премии «Московский счёт» за книгу «Сеанс» (2016).

ISBN 978-5-907155-67-1

УДК 82-1
ББК 84 (2)

Содержание

«стук в окно...»	5
«как будто бубня себе под нос...»	6
«человек печально увлечён...»	7
«постраничная жизнь...»	8
«если с утра...»	9
«на реке молчанье. в полях зевота...»	12
[святки. канон]	13
«в три часа ночи...»	15
[мцк]	16
«слово...»	17
«как менеджеры слабого звена...»	18
«тщательно зная...»	19
[коса (сборка)]	21
«кто книголюб? – там кончается всё...»	24
[филин и домовой]	25
«перед закатом...»	27
«...и пальцы спускаются вниз...»	28
«слышишь? это основная тема...»	29
[лебядкин]	30
«вечер пришёл. засыпай, полина...»	31
[памяти ю. одарченко]	32
«нет, не сны, мы не тётушки – помнишь о снах...»	33
«иди к гостям. замой пятно на ткани...»	34
«яблоко и птица...»	35
«может быть, вы не знали...»	36
«сколько градусов, цельсия?...»	37
[стихи к а. б.]	38
«от любящих – нелюбящему: ты...»	41
«честные заборы и кюветы...»	42
[игра о москве]	43
«главмосстрой, будь мне братом или сестрой...»	44
«зачёт по сестринскому делу...»	45
[гроза в москве, 13.07.2016]	46
[разумовское]	47
«рано утром во двор приходили парни...»	48
«более швея, чем мотористка...»	49
«это жизнь и была, когда мы с тобой залезали...»	50
[птрбрг]	51
[железнодорожная сюита]	52
1. [киплинг. начало империи]	52

2. [нобель. расцвет империи]	53
3. [мамонтов. гибель империи]	54
«ветер...»	55
«говорит, говорит...»	57
«все легли, а ты так и не смог уснуть...»	58
[октябрь]	59
«вас хоронили стоя, как солдат...»	60
«просто носи с собой...»	61
[хамишим]	62

[* * *]

*стук в окно
– кто там?*

*но пока ещё не вошли –
всем портам
всем бортам
всем отпущенникам земли –
оставайтесь вдали*

*оставайтесь вдали
из ливны и огня
куклу вуду я сотворю
чаю крепкого заварю
если сам внутри не сгорю –*

чур меня

[* * *]

как будто бубня себе под нос,
как будто летя с земли на марс,
простое, трёхлетнее пой, матрос –
в матроске и за руку – пой про нас.

как будто бы песня тебя защищает
и пыльную землю тебе завещает.

как будто находишься не в раю,
куда попадёшь из железных дней,
а тут, на тверской, где и я стою
под песню, не в силах расстаться с ней.

как будто бы в небе летят эскадрильи,
мечтая, что где-то кого-то убили.

как будто на каждом лежит земля,
невидимый, тонкий и тёмный слой,
как будто поёт за тобой твоя
шальная пуля о доле злой.

как будто не этот младенческий лепет,
а солнце последнее всходит и слепит.

[* * *]

д. ю.

человек печально увлечён
отсыревшим битым кирпичом,
аркою, окном, дверным проёмом,
флигелем, плитой, доходным домом –
всем, что ни к чему и ни о чём.

в человеке медленно болит
городской малотиражный вид,
щелевой сквозняк воды проточной,
и мигалок переблеск полночный
больше ему неба говорит.

человек – не ночь, не мяч, не врач,
он – полупальто, рюкзак и шапка,
под дождём легко ему и зябко,
он обложка, маркер и закладка.
господи, согрей его и спрячь.

[* * *]

постраничная жизнь

воспитание ветра
брандмауэрами и садами

влияние вьюшек

скрип задвижек

проём в силикатной стене
и за ним река
как сморгнуть
слезу

лето как вдох
только пыль

зима как выдох
только снег

осень с весной
витувиански
по левую и правую
руку

сделай
предсмертный хрип
потихе

и сквозь утренний холод
сквозь туман
до тебя донесутся

drums of america
dreams of america

[* * *]

дм. д.

если с утра
чуть продрал глаза
погружаешься в социальные сети
жизнь начинает казаться
невыносимой

в своё время
когда я работал
на лубянском проезде
(метро «китай-город»)
я применял от этого
три средства

вот они
по нарастающей

в вагоне метро
рядом с тобой
обязательно едет
прекрасная незнакомка
надо лишь присмотреться
точёный профиль
волосы как крыло птицы
глаза неземной глубины
не надо пялиться на неё
это пошло
просто закрыть глаза
и сохранить лицо её
на сетчатке

если и это не помогло
в длинном подземном
переходе на «китай-городе»
раньше всегда пел
маленький хор слепцов
давно их не слышал
в метро поют многие
но так как они
не пел никто

так наверное
пели слепые лирники
из повестей паустовского
как будто прощаясь
с этим миром
каждым выпаемым
серебряным звуком

но если твоя печаль
ещё глубже
и слепцам не удалось
тебя от неё избавиться
надо выйти
из так называемого
верхнего выхода
«китай-города»
там где лубянский проезд
резко спускается вниз
к москве-реке
где ясным февральским утром
на фоне голубейшего неба
вертикально стоят столбы
белого пара
из труб замоскворечья
будто звуки
из направленных в небо
медных труб духового оркестра
вдруг застыли
не желая покидать
тёплое лоно
инструментов

глядя на этот пейзаж
надо пять минут постоять
в стороне от людского потока
делая вид
что кого-то ждёшь
дабы избежать
толчков и ненужных вопросов
а потом
когда ощутишь
растущий в груди
воздушный шар

просто идти
по направлению к реке
не спускаясь вниз
а прямо
легко и свободно
постепенно отрываясь
от земли

[* * *]

на реке молчанье. в полях зевота.
судорога музыки среди стен.
что важнее миру – человек? суббота?
то, что нацарапано на листе?

словно от снотворного, спал город,
за собой погоды волоча след.

подсветили небо – и стал холод.

посолили землю – и стал снег.

[святки. канон]

1.

мать уснула. сын сидит и кодит.
дочь живёт за тридевять земель.

проскользни туда, где свет проходит,
в тонкую мерцающую щель,
а потом, катясь по следу света,
уподобясь медному грошу,
кран найди – и поверни на лето.

больше ни о чём не попрошу.

2.

ходит зубрит готовясь
к экзамену света

«битва народов»

«охотники на привале»

«небесные мельницы мелют
справа налево»

«кровь имеет три начала
водное медное шерстяное»

та же
у ног его всюду
малой тенью

массирует стопы
смазывает пятки гусиным жиром

вкладывает стрелки лука
в колчан опустелый

вкладывает маковые зёрна
в уголок глаза

3.

оттепель ушла. в оконных рамах
то, что было жалость – стало милость.
что летало старыми дворами –
к форточке прижалось, притулилось.

воздух застывает в белых рыбах.
рыболовы сматывают снасти.
и зима, протёртая на сгибах,
тихо распадается на части.

[* * *]

в три часа ночи
двор заполняет
плотный и ровный
свет:

это нло
свежевыпавшего снега
возвращает небу
бортовые огни
стоящих по краю
фонарей

[мцк]

вдоль незримых городских границ,
из-под сводов и мостов лукавых –
левых в чёрной саже сторонись
и гляди на небоскрёбы правых.

прыгай в электричку навсегда,
обхватив рукою подлокотник.
бутерброды, чипсы и вода –
малая череда утех субботних.

очертили семь твоих земель.
утвердили огненные знаки.
то-то на тебе теперь метель
заживает, точно на собаке,

и весь день бормочет и поёт,
медленно себя за хвост кусая,
лёгкая забота холостая
жить по кругу задом наперёд.

[* * *]

слово

пауза

слово

чуть более длинная пауза

семь произнесённых подряд коротких слов

с почти незаметными паузами между ними

пауза

короткий шепчущий

(можно сказать – стрекочущий) звук

пауза

два слитных слова

очень короткая пауза

длинное слово

с медленно произнесённым первым слогом

и ускоряющимся темпом произнесения

к концу

короткая пауза

несколько слов

организованных в попарную ритмическую группу

с очень короткими паузами внутри пар

и длинными паузами между парами

короткая пауза

десять произнесённых

подобно пулемётной очереди

слов

длинная пауза

слово

невероятной длины «мхатовская» пауза

за время которой некоторые слушатели

начинают аплодировать

другие встают и подходят к барной стойке

а распорядитель вечера

с видимым облегчением шарит в поясной сумке

в поиске сигаретной пачки и зажигалки

слово

[* * *]

как менеджеры слабого звена

честь ни за что
в окне туманном ветка
секретные запалы городов
обугленных
несложные заставы
и антрацит меж хлюпающих глин

как сбивчивый поход за слепотой

привал на дне
рукой дрожащей спичку
как можно дальше
и на клумбе зря
два небольших анютиных глазка
меж ноготков рекламного гламура

как перечень расходных материалов

неплотный год
освищенная смерть
день послевкусия
наклон равнины
обменник по слогам
ручная кладь

[* * *]

ек. с.

1.

тщательно зная
что проникает сквозь окна
медленно стоя
на берегах небольших
межплеменная
народностей суша и мокра
песня весная
прежнего лета бежит
мысленно линию белому свету проводит
прячет глаза и отходит

ты ли ещё
ставил меж каменных новых строений
кадки солений

вот и гляди
как возникают веснушки полночных селений
тут тут и тут
на лице и груди

2.

это поезд наоборот

розоватый лёд
ты ко лбу приложить просил

«привези мне папенька плод
с дерева иггдрасиль»

я хочу таких древесин
чтобы были круги свобод
чтобы поезд наоборот
самолёт об одном весле
и стоит на моём столе
речь во множественном числе
и поёт поёт

кто бы поезд сопровождал
повстречав ни свет ни зарю
сероватую жизнь свою
за понюх отдал

вот сутулый стою смотрю
за плечом бердан

заходи и найди портал
по паролю встретимся там
говорю

[коса (сборка)]

1.

только ветер способен разговаривать с ветром

2.

и когда ты прилѣг между ними
в середине
поперечной тропы через косу
(где-то метров пятьсот
полпути от укрепрайона
к песчаному пляжу)

3.

ты подслушивал их разговор

4.

и один из них был пресноводным
суховатым таким
лютеранским
он дул от ангаров
чьи стены побиты снарядами
от башни
с пустым циферблатом без стрелок
от старой немецкой бетонки
от рухнувших крыш и пилонов
покосившихся
от петрикирхе
от преголи с лавой
от канала в который заходят
заходят
– под конвоем по четверо в ряд
– вслед за лоцманским катером
– без нашивок в лохмотьях
– с названьем по борту и портом приписки
на корме

5.

а другой был гулякой в портовом кабаке где в кейптауне спор
кто-понятно-решает и дальше по тексту

6.

этот
был пожалуй католик
из ново-
обращённых
с каких-нибудь там
островов

7.

тут повсюду
шиповник
полынь
ежевика
тёрн
и райские яблоки

8.

тут в ложбинке
два года назад отдыхал
перебравший куратор
известного литфестиваля
и ямки
от локтей и коленей его
до сих пор сохранились

9.

тут мяукая жалобно вышел
к нам кот из кустов
и сожрал три сосиски
что купили на пристани мы
на закуску к перцовой

10.

тут за нами ходили собака и солнце
охраняя нас
друг от друга

11.

а о найденном здесь янтаре
умолчу надоело
как коса так янтарь

12.

только ветер способен разговаривать с ветром,
и от этого воздух наполняется светом,
и лежит, касаясь
световых струн,
не моя радость
между двух дюн.
или вот, у щербатой притулившись колонны,
ты стоишь, как спектакль возобновлённый,
и, суфлёра слушая,
балочный свод
на тебя обрушится
вот-вот.
посему и желательно сохранить навеки,
не разъяв на части, эти руки-реки,
этот голос-полюс:
чем холодней,
тем звучит он праздничней
и родней.
твоё сердце, запёкшись на ветру садо-мазо,
выдыхает и ёжится, ожидает приказа
здесь, на лезвии суши,
где почти нет
переправ воздушных
на этот свет.

[* * *]

кто книголюб? – там кончается всё,
где начинаются лист и лицо,
где замирает, покорный лицу,
лист, покидая иную листву.

кто часовщик? – через лупу следя,
сердце прогонит ушного червя.
кто зеленщик? им – мелькание дней,
чем осторожнее, тем зеленей.

ты не посредник ли, не пастернак,
века наследник в суконных штанах?
ты уж не плотник ли в детстве заноз,
в жале пчелином, где яда донос?

так вырастай и отбрасывай шик
прочь – ты не пасечник, не гробовщик.
так умирай в бестолковую муть,
ту, где не выдохнуть, не продохнуть.

лёгкая книга к ремёслам глуха.
вдоль по дорогам уходят цеха.
вдоль по дорогам – пехота, пыли! –
на перекрёсток пропащей земли.

и остаётся один книголюб.
лица листает, касается губ.
вот уже месяц, как солнце встаёт.
кто книголюб? – на три шага вперёд.

[филин и домовой]

1. (домовой – филину)

чья мордочка смешная цеппелинья
выглядывает в щёлку, что ни час?
шумерка-мышь ко мне подбила клинья,
у глиняных табличек научась.

за ней идут кроты и землеройки,
защёчники, запазушники, зло,
угадывать предсказанные сроки,
и день крутить, и ставить на зеро.

всё утекает в тёмную воронку,
пока весна не в собственном соку,
пока сюда весы и сковородку,
насос и шланги не приволокут.

заглядывай ко мне с опушки леса.
мы – тени две и сядем по углам,
где шёпотом разыгранная пьеса,
что лодка полусгнившая, утла.

2. (филин – домовому)

вступает ночь,
раскачивая в такт холодный воздух
и выпрямляя тщательно траву
примятую:
стекольщик проходил
недавно на слепые хутора –
у них повыбивало ветром окна.

ух-ху!

ух-ху!

мне надо выполнять
ночной урок.

а ты уже забыл,
как холодны уроки, как вода

законов ломит зубы,
как звонок.
катясь от леса к лесу, дребезжит
и бьётся, то сосновый, то еловый,
то лиственный?

читай, где мы вчера
остановились, с загнутой страницы.
представь, что ничего не началось:
след не примят ещё,
и стёкла целы,
и перемена длится навсегда.

[* * *]

перед закатом
он вернулся в дом ребёнка
в лесном посёлке
откуда так и не смог
уехать
за все эти годы

просто смотрел
на небесные корни

скользил взглядом
поверх приставок

а теперь вдруг увидел
все суффиксы

крышечку от кефира

косточку от черешни

ножичек для игры
в ножички

и всё то же транслирует
свободное радио
северных территорий

и его окружают
возмужавшие воробьи

[* * *]

Н. А.

...и пальцы спускаются вниз
застёжки крючки берега
реки сероватый разрез
в холодном боку ноября

скрипит рассыхается стул
табличка – сдаётся жильё

все любят вирджинию вульф
никто не боится её

камнями карманы набив
себя ободря *come on*
бестрепетный речитатив
от глаз заслонив рукавом
подёрнуты пеплом угли
повсюду веселье и грязь

они огибают углы
а мы ничего не боясь

[* * *]

е. с.

слышишь? это основная тема –
стало быть, батман и гран плие:
ипполит, своим дебелим телом
проплывая, виден в полынье.

все сбежались, поглядеть охота,
указуют пальцами под лёд,
впереди рыдает пеппилотта,
что его уже не узнаёт,

что, когда он приходил ночами,
тихо поворачивая ключ,
был он сыном светлого начала,
стал же частью озера и туч.

не грусти. окраинами неба
луч, пройдя, зажжёт стекло окна,
смерть посолит нам краюшку хлеба,
а любовь поднимется со дна.

[лебядкин]

и чесала мизинчиком пятки нам,
и в саду зажигала огни,
но стихи капитана лебядкина
перед сном, – говорила, – ни-ни.

с чешуёю покрытыми местными, –
знает каждый в округе удмурт, –
нелегко разговаривать жестами,
но иначе они не поймут.

вообще, подготовьтесь заранее,
занесите в секретный блокнот,
а иначе на тайном свидании
неожиданно сменится код,

просочатся багровые мороки
сквозь прозрачные неба слои,
и за вами придут энтомологи,
ощетинив булавки свои.

[* * *]

вечер пришёл. засыпай, полина.
зря ли я к празднику стряпал, штопал,
и надувал шары?

там, на другом берегу залива,
ветер поёт огню, и оба
ходят по склону горы.

завтра не будет у нас печали,
снов, интернета –
практически ничего.

так привыкай к тому, что вначале –
тёмное пятнышко, после – пепел,
после – совсем черно.

[памяти ю. одарченко]

падок день
до фугасов и мортир.
лишь одна ночная тень
утешает бедный мир.

«ну, покажь», –
слышен шелест над водой.
старомодный метранпаж
собирает сны в ладонь.

взяв редут
синей венки у виска,
маршем медленным идут
пограничные войска,

и на дне,
превращая свет в иглу,
пишет вирши сон во сне
по копчёному стеклу.

[* * *]

нет, не сны, мы не тётушки – помнить о снах,
не пришла со своим обостреньем весна –
слушай, что это было?
два неясных пятна, что видны из окна,
словно рыло и рыло.

и выходишь из дома, накинув капот,
и идёшь, куда тянет полуденный флот
каплей смертного яда.
а внутри шебуршит, и скрипит, и поёт,
точно надо и надо.

(01/04, день рождения н. в. гоголя)

[* * *]

иди к гостям. замой пятно на ткани,
прими таблетку и иди к гостям.

они пришли, не давши целованья
последнего – и вот уселись там.
я дал им всё, а кое-что и с кремом.
сказал им про бродячие огни,
но дрожь земли, вернее, лёгкий тремор,
почти всё время чувствуют они.

лишь ты одна, пока была живая,
всё исцеляла наложением рук.

как громко лают псы сторожевые.
ступай, мой друг,
ступай туда. там кто-то колобродит.
я всё накрыл. я приготовил лёд.

но мелкая моторика подводит,
и тёмная истерика поёт.

[* * *]

в. б.

(строфа)

яблоко и птица.
вечер и сосна.
где б остановиться
на излёте сна?
сна, который въехал
в маленький мотель
и добавил света
в зимнюю метель.

(антистрофа)

упадёт ресница –
сосчитай до ста.
строчка, словно спица
в колесе, проста.
рыбаку не к спеху
червяки, мотыль –
только вспышки смеха,
свет, звезда и пыль.

[* * *]

может быть, вы не знали,
но все они
были задуманы
совсем для другого.

первый,
что измеряет
напряжённость магнитного поля,
был индейской ловушкой
для ночных кошмаров.

второй,
который теперь,
когда к нему прикоснутся,
издаёт мелодичный звон,
был разработан
как оружие
массового поражения.
он и теперь
способен вас поразить,
если нажать
на тайную кнопку.

а третий,
предназначенный для любви,
был создан для пения
в агрессивных средах.

там без пения
невозможно.

[* * *]

сколько градусов, цельсия? –
спрашивает фаренгейт.

нежная цельсия
медлит с ответом.
подходит.

гладит его по щеке.

кончики пальцев её
холодны.

щеке фаренгейта,
горящей от жара
внутренних
запрещённых земель,
тайных пустынь
и секретных вулканов,

это приятно.

[стихи к а. б.]

1.

поливали цветы – а то ли искали клады.
целовали запястья – а то ли клевали с рук.
всё стрекочет в уме что греческие цикады,
что пройтись по бульварам и заебашить лук.
ты к лицу москве, как чуть холодка под утро,
как богато в центре и по предместьям скудно,
как взлетаешь в бешеном лифте, войдя в подъезд,
повторяя список – кто выдаст, а кто не съест.

говорили ночью, а утром клевали носом
цеппелиный пух в примерочной за углом.
все чужие сны, начинавшие вопросом,
разбивались о бесстрастное «поделом»,
как о спешно раскрытый зонтик – дождя стаккато.
ничего-то нет в столице сильней заката,
когда ходят вокруг, дожидаясь явления тьмы,
за домами холмы, за рекою дымы – и мы.

2.

retweet and follow: я жил в седьмом квартале,
где возле молла вы, поддатые, летали
на скейтах бешеных, и у ларька, внизу,
сверкало озеро – июльскую грозу
вини в той луже. но уже узнал я средство,
как мне уменьшиться в отравленное детство,
в приют оставленный, как сжаться мне в комок,
что под рубахою – единый – не промок.
на снимках свадебных – фата или моргана?
вертя булабочку картонного органа,
кораблик выстругав из мачтовой сосны,
доплыть и взять в ларьке бутылочку «апсны»,
и отменённую пробежкой календарной
дойти по берегу до площади нетварной,
базарной то есть, и закинуть невода
в свет незакатный, не ушедший никуда.

3.

дни,
когда тонкий лёд
встаёт
на краях луж.

дни,
когда всякий сброд
поёт
на краях душ,

растягивая края,
пытаясь увлечь с собой.

стой на месте,
душа твоя.
стой.

стой, где осыпь и взвесь,
где горы, река, родник.

стой посреди небес,
опрокинута в них.

где горит –
не расстаться –
уголёк или дом.

с каплей крови на пальце,
уколотом
веретеном.

[* * *]

и. к.

от любящих – нелюбящему: ты
летишь над нами в виде темноты,
но каждый день на две минуты позже.
так воздух-время отпускает вожжи.
так сводятся костлявые мосты.

нелюбящий, ты властен лишь над тем,
что принимает вид слепых систем,
глухих забот, немых постановлений.

на рынке городском, в ряду солений,
есть неприметный каменный тотем.
нелюбящий не ведаёт о нём.
а любящие мы к нему придём
раз в месяц – об него погреть ладони
и зарядиться жизнью дней на склоне.

и огурцов ещё приобретём.

[* * *]

честные заборы и кюветы.
пыльные лодыжки и ступни.
мы ещё остались после лета,
против света, лицами в тени.

нас считал растерянною массой,
мясом для больших очередей
тот, кто заправлял свободной кассой
и кричал «петровна, перебей!»

но мосты над ледяною коркой
рек, текущих с севера на юг,
вновь напоминают город горький,
где любовь по карточкам дают.

зрители захлопали – пора нам.
вон уже готовы куры-гриль,
и на солнце тает панорама,
обещая будущую пыль.

[игра о москве]

время-время пролетает вдоль окна.
вспоминает, как любило никого.
книги в парках, что устраивала нам
золотая и лукавая маркво.

пойма, пойманные блики на воде.
«волга» долго в абсолютной темноте –
шевиотовый водитель, мальчик мой –
остывая, возвращается домой.

ну а дом – это где тёмная как сеть –
тятя, тятя, притащили ли чего? –
ежедневная готовность умереть
за империю, за нормы гто.

потому что дом не может быть другим.
там выходит двухголовый андрогин,

и одною головою говорит,
пробирает, точно диктор левитан,
а другая голова над ним парит,
и следит за ним, и ходит по пятам.

лето-лето нашей жатвы и тревог,
привези нам свой трамвайный травелог.

мы разложим для просушки, как листву,
всю прожилкаминаружную москву –
и запоним по полуночным звонкам,
по суставам, по артритным узелкам.

тятя, тятя, вы сломали ей вчера
шейку старческого хрупкого бедра.

ничего, ей даже это не впервой.
этот казус уже *belli-belli*-был.
оседает над распавшейся московой
золотистая подсолнечная пыль.

время скорое в больницу не берёт.
пусть москва моя от старости умрёт,
среди кружева и старческих помад,
раскрасневшись, как игральный автомат.

[* * *]

главмосстрой, будь мне братом или сестрой:
кофе земли предложи мне с бетонной пенкой,
план нарисуй мне кичливый землеотвода,
внеси в реестры,
отрави меня в придорожной столовой,
где стоят дальнобойные фуры – значит, там не отравят,
унаследуй боль мою и свободу,
развались, расточись и смешайся с прахом.

росглавснабстройдормашзагранпоставка,
видишь, имя твоё нежное я запомнил,
цветами тебя одарил полевыми,
уподобил серне тебя на горах ливанских,
штукатурку в трещинах, где зашифрован
тайный код вселенной, покрыл я бесцветным лаком,
и твои машины,
незаметные для живых, но видные мёртвым,
я наполнил воздушными шестернями,
кривошипам синевы, карданами снега,
что иное я должен сделать,
дабы сам себя ты пожрал, о уроборос?

крутятся, сплетаются воздушные черви,
неразличимые человеческими глазами,
над великим городом, над равниной.

каждый – певец своей смерти.

сын своего камуфляжа.

[* * *]

зачёт по сестринскому делу
сквозняк ли в щёлку сразу крик
и муравьи что ты всё пела
собрали тысячи улик
а день горяч круглобазарен
как бы касимовский татарин
зашёл в приёмный беспокрой
и хладноблещущие стали
поднесены твоей рукой

я всё согрею всё устрою
протиснусь в щель небытия
страна кто звал тебя сестрою
кто спал и бредил ты моя
тот и умрёт за светлый волос
за корку на губах за скорость
за лёгкий мимоходный грех
за то что ночью расколосось
грозой уравнивавшей всех

[гроза в москве, 13.07.2016]

там где небо подкладкой наружу
где снуют золотые шмели

кто упал в бесконечную лужу
уносящую прочь от земли
тот уже никогда не ответит
где в секретной камерке творца
он хранит обжигающий ветер
пролетающий мимо лица

[разумовское]

так лето и заканчивалось: гром
грозы – как бы пустая стеклотара,
к дождю уже подмешивали бром,
турецкий марш на песню савояра
в мобильниках сменили невзначай
и чудом не сгубили иван-чай;
растили что-то в плесневом стакане,
шептались меж собой как мусульмане,
в окне на задний двор уже торчал
сипатый дворник, шибздик безголовый,
и, в небесах невидимы, колёса
вращались, всех везя наоборот,
вниз головой, пристёгнутых ремнями,
задаренных дарами, комарами
искусанных – в тот уцелевший грот,
что слева до сих пор, а тот, что справа –
тот, призрачный – там некто иванов,
студент и труп, без тела и штанов,
и сверху надпись «царская любовь»,
а снизу штамп «народная расправа».

[* * *]

рано утром во двор приходили парни
и кричали в окно: «ты предатель, сеня!

не забывай: пармезан – это сыр из пармы,
а марсельеза – песенка из марселя.

не забывай: ты – капля этого мира,
капля, готовая с ветки его сорваться.

твоя жизнь – однокомнатная квартира.

твоя смерть – потерянный ключ на двадцать».

[* * *]

более швея, чем мотористка,
более змея, как говорится,
чем горячий вересковый мёд,
здесь училась – и ушла на подвиг:
вывернуть наружу швы на подлых,
прострочить весёлый пулемёт.

и теперь на башнях водокачек
шелестит бумажный передатчик,
деятель засуженных искусств,
всё пытаюсь спеть, как новый бабель,
эту смерть, её звенящий кабель,
эту жизнь – во рту стоящий вкус.

[* * *]

это жизнь и была, когда мы с тобой залезали,
с риском сорваться, на памятник первым максималистам.
весело матерились. разбрасывали листовки,
где вместо длинных слов нарисованы пиктограммы.

наш народ тогда разучился читать на хеттском,
но понимал язык вечного карнавала.
это жизнь и была, когда взявшись за руки цепью,
как бы смеясь и танцуя, мы штурмовали город.

делия розенблум нам приносила водку.
нагия салтыбаева – манты и сенсимилью.
сам ашот аршакуни был у нас адвокатом.
помнишь с его женою ты ещё – нет не помню.

корсиканское пламя. лепестки мандрагоры.
терпентин и закаты. корпия и воздушно-
капельный метод съёма двушки в седьмом квартале.
это жизнь и была. нам со дна зачерпните.

[птрбрг]

кс. б.

вглядывание в холст – не лампочка ли внутри,
не слюда ли? рёв истошный младенца,
чистое бешенство звука, где полных три
интервала – железная терция,
супрематизм, наползанье цветных плоскостей
друг на друга, и там, где уходят в чёрный –
прорубь среди горизонтальных стен
невского льда. это дом учёных,
дом литераторов, опрокинутый внутрь. оглянись
в небе, где до кости обглодан –
твой и немного мой – ошмётками вниз
над сенатом и над синодом
воздух последний: пятак в автомат, дыши
судорожно, от резкого света тая
без теней. спокойной вам, малыши,
ночи.
осталась одна тая.

[железнодорожная сюита]

1. [киплинг. начало империи]

две стальные пролягут от оста на вест.
где был палец монарший – там будет объезд.

где болота – осушат. где скобы – замкнут,
кипяток заключая в железный сосуд.

перетёртая в пыль золотая земля
под колёса ложится, простор шевеля.

вот и киплинг чугунный и пороховой
лёг отдельной строкой в накладной грузовой.

ничего, ничего, заводи па-д'эспань,
заходи в нашу гавань трёхтонным гудком,
покрути эту ручку и медленно встань,
толстобрюхой родне припасаем на корм.

вот латунная нежность и медная злость.
а что быстро летит – то уж так повелось.

каждый каждому – сиблинг. бастард и кузен.
дядя киплинг тебе говорит je vous aime.

мы приказ разошлём по подмётным листкам,
по секретным железнодорожным войскам,

и услышите вы шорох наших дрезин
от голанских высот до голландских низин.

2. [нобель. расцвет империи]

ты знаешь, он назвал её электра,
он утверждал, что женщина она,
что в небе складки греческой туники
он видит, а среди причальных мачт
он нобель, нобель, краденое море,
китайский порох вновь изобретён,
пространство расширялось и вбирало,
входило словно в женщину, шары
огромные, и молнии меж ними
он отключал, и целовал, и их
поверхность запотела от дыхания,
просил включить опять и любовался
на треск сухой и греческий огонь,
и все составы шли по всем дорогам,
и порох, прах, всё обратится в прах
когда-нибудь, так будем жить как номос,
как норд, как нож, как нобель, наконец.

3. [мамонтов. гибель империи]

там линия и точка. вот беда.

там где поют серебряное да.
там где уже не ходят поезда.

надеюсь, это всё не навсегда.

лишь черубино лёгкий говорок.
читать ли между строк?

от сложных семантических причин
до синих симпатических чернил
того, что ты просил –
не сочинил.

но всё-таки я что-то написал.

где скальпелем разрезанный курзал,
политые ипритом тополя,
стояли мы, полмира покоря,
опущенные руки, губ углы,
погасшие огни,
курлы,
курлы.

в последний день тяни, тяни носок,
веди, веди разрез наискосок.

на стыках зубы – прочь.
и эта ночь.

и эта ночь.
тупик.
заградотряд.

– ты рад?
– я рад.

[* * *]

ветер
дует отсюда

к нему
вчера пришли
из большого дома
и намекнули

«дуй отсюда
в течение суток
препятствий не будет

иначе начнём
с мелких твоих
завихрений
а дальше – больше»

трясущимися руками
побросал в чемоданы
все листья
паруса
открытые форточки
и гудящие провода

с билетами на самолёт
и визой
проблем не возникло

а на таможне
даже сказали
«попутного»

и улыгнулись
чего никогда не бывало
прежде

там его ждут
вдоль побережья
ветроэнергетические
установки
трёх университетов
нижних земель

а здесь
полный штиль
о чём вы давно
мечтали

[* * *]

говорит, говорит,
словно речь эта – синего цвета,
словно в небе парит
стая призраков этого лета,
однодневок, целующих прах.

коркой – соль на губах.
организм не справляется с солью.

в прошлой жизни считалась асолью.
намечался и грэй.

грей для горла
полоскание, грей.

[* * *]

Л. Л. Г. и М. Г.

все легли, а ты так и не смог уснуть.
синие вспышки скорой. вода из крана.
и стоишь у окна, вспоминая джедайский путь
и смешное слово «мидихлориана».

завтра снова принять на грудь.
переложить мадженты.
недоложить циана.

где последние листья встретили первый снег,
устилая измайловскую дорогу,
вдоль забора падает-падает человек,
подставляя то одну, то другую ногу.

он ушёл из дома с пакетом вина.
с полувывпитым пузырьком микстуры.

и его нехитрые мысли похожи на
смешанные рукою шахматные фигуры.

[октябрь]

в доме казах на задах
и еврей дверей

у входа –
гравий врага

в окнах
мокрых
стоит огрызаясь

на крыше –
рыжий стрелок

стрелы
пропитанные ГСМ
пылают и пахнут

[* * *]

вас хоронили стоя, как солдат
подследственного палубного взлёта,
что за ноги тащили из болота
двадцатый век, спитой денатурат –
мартышкин труд, напрасная работа.

а мы – эксперты по таким трудам,
и мы стояли, по слоёным льдам
уже распределённые, по ротам:
легко вещать придуманным народам,
лепить горбатых тесным городам.

крутя воображаемый штурвал,
вводя воображаемые цели,
вы ничего на свете не умели,
вас умирал кто вас не понимал.
вы отвлеклись. вы заживо сгорели.

и ангелы, пространство шевеля,
спускаются во тьму, как комья снега.
и сыплют вам на головы с разбега
горстями воздух, говоря «земля».

[* * *]

просто носи с собой
булавку
и когда
после захода солнца
все эти лица
руки
ноги
вдруг начнут сливаться
в серую массу
как писали
в священных книгах
многоочитую

уколи себя
в предплечье
или в бедро
но не до крови
они падки
на кровь

нет
у них
нет
рода
отряда
вида

это несуществительные
множественного числа
на конце у них эс
эс как доллар

да нет
не чужие
наши

ты и сам
из них

[хамишим]

1. заглянуть за угол потом за другой никого нет
2. а с этими северянами всеми швами наружу уже и так распрощались в предыдущей арке
3. здесь близ чистых прудов где череда чаепитий по анфиладам комнат
4. (старомосковские привычки купеческое ты понимаешь)
5. я научу тебя проходить сквозь стены и смотреть стоя за спиной
6. невидимо – они будут ощущать это как зуд между лопаток
7. и в районе солнечного сплетения но не обратят вниманья
8. списывая всё на нервы и необычайную засуху этого года
9. которая скажу тебе по секрету скоро сменится холодом
10. потому что круглые прозрачные глыбы воздуха ледяного уже летят с белого моря
11. мне сказал один рав со спасоглинищевского он знает
12. что значит почему только тут
13. именно в этом переулке есть первотрещина
14. портал входа в штукатурку в сырые известняки в карстовые пещеры в поры туфа в пустоты
15. по которым одним нам дозволено передвигаться
16. ничего ничего чернильное пятно на месте
17. узел на обрывке шпагата умница р. ещё вчера завязал как надо
18. просто подпрыгни и как бы ввинтись в стену
19. ощутишь пахнувший соляркой солёный ветер
20. потом жженье и мерцанье
21. а потом будто всё возможно
22. главное не давай себя целиком захватить этому чувству
23. это важно чтобы всё последующее происходило гладко
24. на земле и на прочих уровнях о которых тебе ещё рано
25. и потом тебе будет первый аксис
26. мерцающий горный город в северной галилее
27. тебя чуть не побьют камнями за нарушение субботы
28. когда ты въедешь туда на машине вечером в неурочное время
29. но зато ты будешь входить в любые двери
30. и петь с ними вместе за фаршированной рыбой
31. и весь город будет звучать как трубы органа расстроенного после потопа
32. но играющего и это уже прекрасно
33. а потом тебе будет второй аксис
34. ты будешь трястись на подводе спасаясь от этих
35. а потом встанет старый кривой мишурис
36. и скажет я помню этих ещё по атайскому фронту

37. люди не злые культурные имеют к нам состраданье
38. вернёмся назад в свои дома они не обидят
39. а затем ты встанешь за спиной у айнзатцгруппе
40. и ты будешь пламя из которого нет возврата
41. третий аксис иной голубая хрия
42. тонкий нестерпимо гудящий дрожащий шнур света
43. паутина всего двигатель краткой боли и долгого забытья
44. ну что ты ко мне прижался
45. что дрожишь глупый неужто понял
46. да вижу понял сперва все плачут
47. но уже понимают про новый воздух
48. новое небо и землю
49. ну поплачь немного и хватит хватит
50. слышишь хватит ну

Книги издательства Tango Whiskyman:

TW-01 Денис Крюков «Сдавленные громы»

TW-02 Екатерина Соколова «Вид»

TW-03 Виген Аракелян «В клюве и звуке»

TW-04 Андрей Черкасов «Домашнее хозяйство: избранное из двух колонок»

TW-05 Ольга Виноградова «Цена деления»

TW-06 Алексей Родионов «Колыбельная темноты»

TW-07 Вадим Банников «Необходимая борьба и чистота»

TW-08 Сергей Чегра «Я иду искать»

TW-09 Антон Симоненко «Зима легка»

TW-10 Геннадий Каневский «Всем бортам»

<https://tangowhiskybooks.tumblr.com/>

<https://www.facebook.com/tangowhiskybooks/>

Геннадий Каневский
Всем бортам

Подписано в печать 12.09.19

Формат 60/90 1/16

Гарнитура Segoe

Бумага офсетная. Заказ № 625

Тираж 200 экз.

типография "Белый Ветер"

115054, г. Москва, ул. Щипок, 28

8(495) 651-84-56

wwprint.ru